

ЗА РОДИНУ!

ЗА ПОБЕДУ!

СЕРГЕЙ

КАРА-МУРЗА

РУССКИЙ КОММУНИЗМ

ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА, ЗАДАЧИ

Сергей Георгиевич Кара-Мурза

Русский коммунизм.

Теория, практика, задачи

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6444067

Русский коммунизм. Теория, практика, задачи: Алгоритм; Москва;

2013

ISBN 978-5-4438-0313-5

Аннотация

Весь XX век Россия (СССР) жила под влиянием большой мировоззренческой системы, которую можно назвать русский коммунизм. Цель книги – разобраться, какие главные задачи, важные для России, он смог решить, а какие по разным причинам не решил, почему и потерпел поражение в конце XX века. Русский коммунизм – сплетение очень разных течений, взаимно необходимых, но в какие-то моменты и враждебных друг другу. Это синтез двух больших блоков, которые сблизились в революции 1905 г. и стали единым целым перед Великой Отечественной войной. Первый блок – «крестьянский общинный коммунизм». Второй – русская социалистическая мысль, которая к началу XX в. взяла как свою идеологию марксизм. Революция 1905 года – дело общинного коммунизма, зеркало ее – Лев Толстой. Мы рассмотрим особенность образа мыслей и действий

большевиков, которые во многом определили их успехи. Понять сегодня источники эффективности их доктрин и решений – наша национальная задача. Советский народ, «ведомый» русским коммунизмом, смог решить задачи огромных масштабов и сложности. Подобные задачи на нас уже накатывают.

Содержание

Вступление	6
Раздел 1	13
Глава 1	13
Конец ознакомительного фрагмента.	43

**Сергей Георгиевич
Кара-Мурза
Русский коммунизм.
Теория, практика, задачи**

© Кара-Мурза С.Г., 2013

© ООО «Издательство Алгоритм», 2013

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Вступление

XX век – это несколько исторических периодов в жизни России, периодов критических. Суть каждого из них была в столкновении противоборствующих сил, созревающих в течение двух веков. В разных формах эти силы будут определять нашу судьбу и в XXI веке. Но весь XX век Россия жила в силовом поле большой мировоззренческой конструкции, которую можно назвать *русский коммунизм*.

Конечно, исходные элементы этой мировоззренческой системы, сложившись в русской культуре, развивались всеми народами России (затем СССР) применительно к их этническим культурам. Так возник советский строй и советский коммунизм. Но мы здесь не будем обсуждать национальные оттенки этого явления и будем называть его именем, указывающим на истоки. Можно назвать его *большевизмом*, но с натяжкой, так как в большевизме была сильна и «космополитическая» компонента, перешедшая в оппозицию к русскому коммунизму, породив тяжелый конфликт с большими жертвами в 30-е годы.

Русский коммунизм – сплетение очень разных течений, взаимно необходимых, но в какие-то моменты и враждебных друг другу. Советское обществоведение дало нам облегченную модель этого явления, почти пустышку. Главные вещи мы начали изучать и понимать в ходе катастрофы СССР –

глядя на те точки, по которым бьют в последние двадцать пять лет.

В самой грубой форме русский коммунизм можно представить как синтез двух больших блоков, которые начали соединяться в ходе революции 1905–1907 гг. и стали единым целым перед Великой Отечественной войной (а если заострять, то после 1938 года). Первый блок – то, что Макс Вебер назвал – вслед за Марксом, но более определенно – «*крестьянский общинный коммунизм*» (иногда он называл его *архаический крестьянский коммунизм*¹). Второй – русская *социалистическая* мысль, которая к началу XX в. взяла как свою идеологию марксизм, но в русском марксизме было скрыто наследие всех русских проектов модернизации, начиная с Ивана IV.

Оба эти блока были частями русской культуры, оба имели сильные религиозные компоненты. Общинный коммунизм питался «народным православием», не вполне согласным с официальной церковью и породившим многие ереси. Он имел идеалом *град Китеж* (хилиастическую ересь «Царства Божьего на земле»). Социалисты в России исповедовали идущий от Просвещения идеал прогресса и гума-

---

¹ Некоторые просвещенные интеллектуалы теперь говорят, что русский коммунизм был проектом *архаического* общества. Это ошибка. Российское крестьянство уже до монгольского нашествия не было архаическим. Тем более не смогла бы из архаической общности организовать современная армия для Отечественной войны 1812 года. А уж в конце XIX века и традиционализм российского крестьянского общества был сильно модернизирован.

низм, доходящий до человекобожия. Революция 1905 года – дело общинного коммунизма, почти без влияния блока социалистов. Зеркало ее – Лев Толстой, выразитель крестьянского мироощущения. После той революции произошел уже необратимый раскол у марксистов (социал-демократов), и их «более русская» часть пошла на смычку с общинным коммунизмом. Отсюда и выросла концепция «союза рабочего класса и крестьянства», ересь для марксизма. Возник *большевизм*, первый эшелон русского коммунизма.

Соединение в русском коммунизме двух блоков, двух мировоззренческих матриц, было в российском обществе уникальным. Ни один другой большой проект такой структуры не имел – ни народники (и их наследники эсеры), ни либералы-кадеты, ни марксисты-меньшевики, ни консерваторы-модернисты (Столыпин), ни консерваторы-реакционеры (черносотенцы), ни анархисты (Махно). В то же время, большевизм многое взял у всех этих движений, так что после Гражданской войны видные кадры из всех них включились в советское строительство.

С самого начала надо подчеркнуть, что все мы в постсоветских республиках – наследники русского коммунизма, даже те, кто от него отшатнулся или старается уничтожить его наследие. Никакая партия или группа не имеет монополии на его явное и тайное знание. К несчастью, антисоветизм и антикоммунизм отвращают от него. Не следует идти у них на поводу – отворачиваться от этого знания глупо.

Цель этой книги – разобраться, хоть в первом приближении, какие главные задачи, важные для судьбы России, смог решить русский коммунизм, а какие по разным причинам не решил, почему и потерпел поражение в конце XX века.

Зачем нужны эти раскопки? Ведь русский коммунизм, особенно на том его этапе, который называют большевизмом, – уже предмет истории. Можно ли в нынешнем обществе использовать опыт большевиков и те социальные формы, которые они создавали для решения актуальных в те годы проблем? Я вижу это дело так.

Большевизм сформировался и стал организующей силой в общественном процессе в момент разрыва непрерывности в развитии цивилизации Нового времени, в ходе глобального конфликта традиционных обществ с модерном метрополии мировой капиталистической системы. Этот модерн наступал на все западные общества и культуры уже в форме империализма и в ходе этого столкновения сорвался в катастрофу самих оснований своей цивилизации – в формах Первой мировой войны, фашизма и Второй мировой войны. Большевизм, зарождавшийся как будто как проект освобождения эксплуатируемых и угнетенных масс России, сразу оказался втянут в эту глобальную катастрофу. Прежде всего потому, что, как оказалось, социальные противоречия России нельзя было разрешить или смягчить, если не вырваться из исторической ловушки периферийного капитализма, в которую втянул Россию западный капитализм.

Таким образом, реализация проекта русского коммунизма требовала осознания природы той катастрофы, в которую втягивал мир общий кризис капитализма и порожденные капитализмом структуры. Эта катастрофа «не укладывалась» в картину мира, представленную Просвещением и созданными на его основе главными социальными учениями – либерализмом и марксизмом. Они были механистичны, представляли общество как равновесную ньютоновскую машину движения масс с обратимыми стационарными процессами. Начало XX века – кризис этой классической механистической картины мира, который сразу выплеснулся в обществоведение. Из всех общественно-политических движений новые познавательные возможности неклассической картины мира для понимания общества освоил именно русский коммунизм.

Этот опыт для нас актуален, ибо современное сознание и познание общества функционируют в рамках тех норм и приемов, которые в России вырабатывали и испытывали большевики (о других модификациях, созданных в иных культурах, мы здесь не говорим). Эти нормы и приемы, продукт синтеза рациональности модерна и неклассических представлений о хаосе, необратимости и нестабильности, еще будут «работать» довольно долго – хотя и в споре и взаимодействии с постмодерном.

В этой книге мы не будем вдаваться в философию познания, а рассмотрим те подходы большевиков к общественным

проблемам, которые сильно отличались от подходов их союзников, оппонентов и врагов. Эти отличия во многом и предопределили эффективность решений и действий большевиков – зачастую при большом перевесе сил у их противников. Понять источники этой эффективности сегодня является для российского общества национальной задачей. Наша беда и вина в том, что это знание, которое, казалось, к середине XX века уже было укоренено в нашей культуре, не было оформлено и со сменой поколений постепенно иссякло. В результате качество решений на всех уровнях общественно-го организма снизилось, что в конце концов привело к краху СССР, а затем и глубокому затяжному кризису.

Давайте сегодня трезво оглянемся вокруг: видим ли мы после уничтожения русского коммунизма хотя бы зародыш такого типа мышления, духовного устремления и стиля организации, который смог бы, созревая, выполнить задачи тех же масштабов и сложности, что выполнил советский народ, «ведомый» русским коммунизмом? А ведь такие задачи на нас уже накатывают.

Эта книга – не история русского коммунизма. В ней мы опишем лишь некоторые эпизоды нашей истории XX века, в которых отражены принципы выработки решений, которым следовали большевики – в сравнении с методологическими установками их оппонентов.

Разбор провалов и поражений большевиков – особая тема, требующая подробного исторического исследования,

ведь часто поражения обусловлены нехваткой ресурсов, в том числе времени. Эту важную тему мы не затрагиваем, над ней надо работать, но некоторые случаи, в которых были допущены принципиальные методологические ошибки, коротко разберем.

Мы не пытаемся и дать социальный и культурный портрет того человеческого типа, который собрался под знамя русского коммунизма. Это – всего несколько поколений, но они сложились в особый культурно-исторический тип, во многом определивший судьбу России и повлиявший на ход событий во всем мире. Создать такой портрет, без патетики и фальши, было бы очень важно для нашего общества. У тех людей нам надо очень многому научиться, иначе мы не переживем тот мрак, который наступает на человечество.

Раздел 1

Возникновение русского коммунизма

Глава 1

Вызревание крестьянского общинного коммунизма

Некоторые историки утверждают, что никакого советского проекта не было, что революция была следствием заговора «закулисы» и ошибкой истории, а советы «работали, как говорится, прямо с колес» – без проекта и без своей философской базы. Это неверно и является следствием преувеличенного значения, которое придается очередной идеологической доктрине, и пренебрежением к знанию неявному и обыденному, не изложенному в трудах авторитетных интеллектуалов на малопонятном языке. Да, советский проект не был предусмотрен Марксом и не описан в трудах солидных философов XIX века, но он вызревал очень долго. Просто политики и философы его не сразу заметили.

Откуда взялись декреты советской власти и сама идея национализации земли? Они взялись из тех представлений

общинного крестьянства, которые вынашивались в течение примерно 30–40 лет. Уже в «Письмах из деревни» Энгельгардта (80-е годы XIX века) видно, как в крестьянской общине вырабатывалось и совершенствовалось представление о благой жизни, а потом (в 1905–1907 гг.) излагалось эпическим стилем в виде наказов и приговоров. Из наказов и брали эти представления эсеры и большевики. Как мог стать Толстой «зеркалом русской революции», если бы крестьянские чаяния не превратились в развитое мировоззрение? Сегодня процесс формирования этого проекта реконструирован достаточно надежно.

Корни революции – в реформе 1861 г., когда крестьяне были освобождены от крепостной зависимости почти *без земли*. Было утверждено «временнообязанное» состояние – крестьяне были обязаны продолжать барщину или оброк до выкупа земли. Почему-то решили, что это продлится 9 лет, а за это время крестьяне накопят денег на выкуп. Денег крестьяне накопить не могли, и пришлось издать закон об обязательном выкупе. Точнее, государство заплатило помещикам плату за землю, переходящую к крестьянам, – и обязало крестьян вносить в подконтрольные правительству банки *выкупные платежи*. Фактически крестьяне оказались вынуждены платить государству высокую арендную плату за землю. Какого же размера были эти платежи и подати?

Как ни странно, мало кто из нас знакомился с исключительно важным историческим документом пореформенной

России – «Трудами податной комиссии». Но подробные выписки из нее сделал К. Маркс в своей работе «Заметки о реформе 1861 г.» [1]. Оттуда и возьмем некоторые данные.

Бывшие *государственные* крестьяне вносили налоги и подати в размере 92,75 % своего чистого дохода от хозяйствования на земле, так что в их распоряжении оставалось 7,25 % дохода. Например, в Новгородской губернии платежи по отношению к доходу с десятины составляли для бывших государственных крестьян ровно 100 %.

Бывшие *помещичьи* крестьяне платили из своего дохода с сельского хозяйства в среднем 198,25 % (в Новгородской губернии 180 %). Таким образом, они отдавали правительству не только весь свой доход с земли, но почти столько же из заработков за другие работы. При малых наделах крестьяне, выкупившие свои наделы, платили 275 % дохода, полученного с земли!

Выкупные платежи крестьян за свою же общинную землю были тяжелейшей нагрузкой. В 1902 г. они составили 90 млн. рублей – более трети тех денег, что крестьянство получало от экспорта хлеба. Освобождение от выкупных платежей – одно из главных завоеваний крестьянства в революции 1905–1907 гг. Уже в 1906 г. выкупные платежи снизили до 35 млн., а в 1907 г. – до 0,5 млн. рублей. Фактически они были отменены. Но и остальные налоги и подати были очень велики. Эта тема поднимается в очень большой части петиций и наказов крестьян.

Россия в конце XIX и начале XX века была страной *периферийного* капитализма. А внутри нее крестьянство было как бы «внутренней колонией» – периферийной сферой собственных капиталистических укладов. Его необходимо было удержать в натуральном хозяйстве, чтобы оно, «самообеспечиваясь» при очень низком уровне потребления, добывало зерно и деньги, на которые можно было бы финансировать, например, строительство необходимых для капитализма железных дорог. Крестьяне были для капитализма той «природой», силы которой ничего не стоят для капиталиста.

Составление петиций, наказов и приговоров стало в 1905–1907 гг. особой формой политической борьбы крестьянства. Поскольку установки крестьянского общинного коммунизма были выражены в совокупности этих наказов и приговоров и на них же во многом основывалась доктрина и эсеров, и большевиков в русской революции, надо коротко сказать об этом явлении.

Известно, что в российских законах отсутствовало петиционное право – подача всяческих прошений и проектов «об общей пользе» была запрещена. Особенно этот запрет был оговорен при учреждении Государственной думы. В параграфе 61 положения о Госдуме было сказано: «В Государственную думу воспрещается являться депутациям, а также представлять словесные и письменные заявления и просьбы» [2, т. 1, с. 36].

Таким образом, составляя наказы и приговоры, крестьяне

прекрасно понимали, что коллективно совершают противоправные действия, и эти действия были уже активной формой борьбы. Размах ее был велик. В I Государственную думу поступило свыше 4000 пакетов и телеграмм. Только в Трудовую группу депутатов Госдумы было подано более 400 приговоров и наказов из 50 губерний с общим числом подписей крестьян-домохозяев 44 826. В Российском государственном историческом архиве в делах Совета Министров и I Государственной думы хранится свыше 1 тыс. коллективных заявлений сельских и волостных сходов.

Поскольку наказ или приговор должны были подписывать все участники сельского схода, и это считалось уголовным преступлением, не могло быть и речи о том, чтобы отнестись к составлению текста легковесно, тем более допустить, чтобы в него внесли свои требования и формулировки какие-то посторонние люди. Известен, например, такой случай. Крестьяне двух деревень Клинского уезда составили на сходе приговор и отдали поправить его врачу местной фабрики. Но, боясь, что он, как человек «рабочей партии», может приписать что-то лишнее, дали после него проверить текст попу-черносотенцу. Затем снова попросили врача посмотреть, «не наплел ли он чего-либо» [2, т. 1, с. 96].

Власти непрерывно направляли на места циркуляры с требованием пресекать обсуждение на сельских сходах политических вопросов и составление петиций, наказывали полицейских и стражников, которые не смогли предотвратить

этих действий (даже если составлялись и отправлялись приветственные телеграммы). Документы захватывались на месте или изымались на почте. Так, приговор, составленный сходом Муравьевской вол. Мышкинского уезда Ярославской губ. 18 июня 1906 г., «полиция ловила для уничтожения, почему и решено послать его немедленно с нарочным, который то пешком, то на лошадях, то водою окольными путями попал на железную дорогу».

В какой обстановке происходило обсуждение документов, видно из множества сообщений. Так, газета «Право» писала о сходе крестьян близ ст. Крюково Московской губ.: «Крестьяне собрались на небольшой поляне и стали обсуждать проект наказа депутату от Москов. губ. Через несколько минут после того, как собрание было открыто, на крестьян налетели стражники – осетины и черкесы – силою разогнали собравшихся» [2, т. 1, с. 40].

Наказ трудовикам I Госдумы в с. Медуши Петергофского уезда Петербургской губ. был принят на волостном сходе, происходившем, как пишет газета «Мысль» (22 июня 1906 г.), в такой обстановке: «Он со всех сторон был окружен вооруженными ружьями стражниками, в присутствии урядника, исправника и т. д. Тотчас после схода в лесу был выработан наказ и подписывался на спинах у крестьян» [2, т. 1, с. 40, 97].

Приведем часть главных требований крестьян.

В заявлении в Комитет по землеустроительным делам Ни-

жегородской губ. крестьяне с. Виткулово писали: «Мы признаем, что непосильная тяжесть оброков и налогов тяжелым гнетом лежит на нас, и нет силы и возможности сполна и своевременно выполнять их. Близость всякого срока платежей и повинностей камнем ложится на наше сердце, а страх перед властью за неаккуратность платежей заставляет нас или продавать последнее, или идти в кабалу» [2, т. 1, с. 130].

Это непосильное налоговое бремя в конце концов привело крестьян к убеждению, что правительство – их враг, что разговаривать с ним можно только на языке силы. В приговоре крестьян дер. Стопино Владимирской губ. во II Госдуму в июне 1907 г. сказано вещь, которая к этому времени стала совершенно очевидной практически для всего крестьянства, и оно не нуждалось для ее понимания ни в какой политической агитации: «Горький опыт жизни убеждал нас, что правительство, века угнетавшее народ, правительство, видевшее и желавшее видеть в нас послушную платежную скотину, ничего для нас сделать не может... Правительство, состоящее из дворян чиновников, не знавшее нужд народа, не может вывести измученную родину на путь права и законности» [2, т. 2, с. 239].

Поскольку крестьяне составляли подавляющее большинство населения России, эти высокие налоги даже при низкой доходности крестьянского хозяйства стали важнейшим источником средств для финансирования индустриализации, создания анклавов капиталистического хозяйства. За

счет этих денег, например, финансировалось строительство железных дорог, которые затем приватизировались, и крестьянские деньги переходили в карман буржуазии.

Надо подчеркнуть вещь, которая с трудом укладывается в наше «прогрессистское» сознание: такое важное принесенное капитализмом техническое средство, как железные дороги, вело к разорению крестьянского хозяйства и к резкому ухудшению материального положения крестьян. Виднейший специалист в области хлебной торговли П.И. Лященко писал: «Железные дороги вместо того, чтобы служить клапаном, вывозящим избыток, стали постепенно служить способом для более легкого и полного выжимания из хозяйства последнего пуда хлеба, последней копейки» [3].

Таким образом, налоговый пресс искусственно поднял товарность сельскохозяйственного производства, так что крестьяне были вынуждены продавать зерно и скот, сокращая собственное потребление. С другой стороны, появившиеся железные дороги облегчили заготовки хлеба и отправку его в порты и прямо на экспорт. Но этот экспорт, давая большие доходы банкам и правительству, мало сказывался на экономике крестьянского двора. Подробно фактическая сторона дела изложена в книге видного экономиста П. Лященко «Русское зерновое хозяйство в системе мирового хозяйства» (М., 1927).

Он пишет: «Иностранный капитал шел в Россию в виде финансового капитала банков для обоснования здесь про-

мышленных предприятий, но тот же иностранный банковый капитал захватывал и все отрасли нашей торговли, в особенности сельскохозяйственными продуктами... Он начинает приливать в хлебную торговлю и руководить ею, или непосредственно основывая у нас свои экспортные ссыпки, конторы (как, например, конторы французской фирмы Дрейфус, немецкой Нейфельд, массы греческих, отчасти итальянских и др.) и специальные экспортные общества, или субсидируя и кредитуя те же операции через сложную систему кредита, находившуюся также в руках иностранного капитала...

Но вследствие особых условий банковых покупок — прежде всего полной зависимости всей нашей банковской системы от иностранного капитала — положительных для народного хозяйства сторон в этом приливе крупного капитала к хлебной торговле было мало... Ни за качеством хлеба, ни за его чистотой, ни за другими условиями покупки и сдачи ни банк, ни его подставной клиент-скупщик не следили и ответственности за все это банк не принимал. При сосредоточении в руках банка (в портах или на крупных потребительных рынках) больших партий он, однако, не заботился ни об очистке зерна, ни об улучшении его качества, ни о правильности хранения: он должен был спешить с его продажей, часто влияя таким образом на понижение цен...

Таким образом «частный» банковский капитал не менее как на три четверти обслуживал финансирование нашей

хлебной торговли. При этом главными частными банками, принимавшими наиболее широкое участие в хлеботорговых вообще и хлебозэкспортных операциях, были: Азовско-донской, Международный, Петербургский частный коммерческий, Северный, Русско-азиатский, – работавшие преимущественно французскими капиталами, и Русский для внешней торговли и Петербургский учетный – немецкими» (см. [43]).

В начале XX века, когда государство с помощью налогообложения стало разрушать натуральное хозяйство крестьян без модернизации – просто заставляя крестьян выносить продукт на рынок, терпение крестьян лопнуло. Вот что говорил историк В.В. Кондрашин на международном семинаре в 1995 г.: «К концу XIX века масштабы неурожая и голодных бедствий в России возросли... В 1872–1873 и 1891–1892 гг. крестьяне безропотно переносили ужасы голода, не поддерживали революционные партии. В начале XX века ситуация резко изменилась. Обнищание крестьянства в пореформенный период вследствие непомерных государственных платежей, резкого увеличения в конце 90-х годов арендных цен на землю... – все это поставило массу крестьян перед реальной угрозой пауперизации, раскрестьянивания... Государственная политика по отношению к деревне в пореформенный период... оказывала самое непосредственное влияние на материальное положение крестьянства и наступление голодных бедствий» [4].

Помимо выкупных платежей за земельные наделы кре-

стьян причиной их нарастающей ненависти стал сам способ наделения их землей во время реформы 1861 г. Прежде всего, земли крестьянам было выделено поразительно мало – при отсутствии каких бы то ни было механизмов наделения землей по мере роста сельского населения. В прошении крестьян Квашенкино-Горского общества Лужского уезда Петербургской губ. во II Госдуму в январе 1907 г. говорится: «Наделены мы были по выходе на волю по три десятины на душу... Население выросло до того, что в настоящее время уже на душу не приходится и полдесятины. Население положительно бедствует и бедствует единственно потому, что земли нет; нет ее не только для пашни, а даже под необходимые для хозяйства постройки» [2, т. 1, с. 111].

А собрание крестьян четырех волостей Волоколамского уезда Московской губ. в наказе, посланном в Трудовую группу I Госдумы в мае 1906 г., так обобщило представление о положении крестьянства: «Земля вся нами окуплена потом и кровью в течение нескольких столетий. Ее обрабатывали мы в эпоху крепостного права и за работу получали побои и ссылки и тем обогащали помещиков. Если предъявить теперь им иск по 5 коп. на день за человека за все крепостное время, то у них не хватит расплатиться с народом всех земель и лесов и всего их имущества. Кроме того, в течение сорока лет уплачиваем мы баснословную аренду за землю от 20 до 60 руб. за десятину в лето, благодаря ложному закону 61-го года, по которому мы получили свободу с малым на-

делом земли, почему все трудовое крестьянство и осталось разоренным, полуголодным народом, а у тунеядцев помещиков образовались колоссальные богатства» [2, т. 1, с. 111–112].

Плата, которую платили крестьяне помещикам за аренду земли, была столь высока, что сегодня невозможно объяснить читателям (и даже в личных разговорах), как же такое могло быть. По данным помещичьих местных комитетов, созданных С.Ю. Витте, перед 1905 г. крестьяне 49 европейских губерний ежегодно выплачивали помещикам за аренду 315 млн. рублей, то есть в среднем по 25 руб. на двор (вспомним, что все годовое пропитание крестьянина обходилось примерно в 20 рублей) [2, т. 1, с. 117].

А.В. Чаянов в книге «Теория крестьянского хозяйства» (1923) пишет: «Многочисленные исследования русских аренд и цен на землю установили теоретически выясненный нами случай в огромном количестве районов и с несомненной ясностью показали, что русский крестьянин перенаселенных губерний платил до войны аренду выше всего чистого дохода земледельческого предприятия» [5, с. 407].

Расхождения между доходом от хозяйства и арендной платой у крестьян были очень велики. А.В. Чаянов приводит данные для 1904 г. по Воронежской губернии. В среднем по всей губернии арендная плата за десятину озимого клина составляла 16,8 руб., а чистая доходность одной десятины

озимого при экономичном посеве была 5,3 руб. В некоторых уездах разница была еще больше. Так, в Коротоякском уезде средняя арендная плата была 19,4 руб., а чистая доходность десятины 2,7 руб. Разница колоссальна – 16,6 руб. с десятины, в семь (!) раз больше чистого дохода.

В другом месте А.В. Чаянов объясняет: «Под давлением потребительской нужды малоземельные крестьяне, избегая вынужденной безработицы, платят за аренду земли не только ренту и весь чистый доход, но и значительную часть своей заработной платы. В данном случае опять интересы крестьянина как рабочего, бедствующего в своем хозяйстве от безработицы, пересиливают его интересы как предпринимателя» [5, с. 200].

Политика землеустройства при выделении наделов крестьянам во время реформы 1861 г. заложила основания для глубокой вражды между крестьянами и помещиками. Суть в том, что при разделе земли помещики отделили от дореформенной площади крестьянских наделов более 20 %, а в черноземных губерниях «отрезки» доходили до 40 % и более [2, т. 1, с. 107]. При этом именно помещик обладал правом размежевания, и он разместил «отрезки» таким образом, что они окружали крестьянские наделы. Тем самым помещик резко затруднил для крестьян и ведение хозяйства, и даже быт – и это стало средством угнетения крестьян.

Вот приговор-наказ крестьян с. Казакова Арзамасского уезда (2 ноября 1905 г.): «Помещики вскружили нас совсем;

куда ни повернись – везде все их земля и лес, а нам и скотину выгнать некуда; зашла корова на землю помещика – штраф, проехал нечаянно его дорогой – штраф, пойдешь к нему землю брать в аренду – норовится взять как можно дороже, а не возьмешь – сиди совсем без хлеба; вырубил прут из его леса – в суд и сдерут в три раза дороже, да еще отсидишь» [2, т. 1, с. 115].

Во многих приговорах говорится, что помещики нарезали землю так, что не оставили крестьянам прогонов для скота, чтобы можно было пускать скотину на свой же выпас. Ставя крестьян в безвыходное положение, помещики заставляли их платить за аренду земли не деньгами, а отработками. Отработки не поддавались учету и реально оказывались не только очень невыгодными для крестьян, но и подрывали их собственное хозяйство. Крестьяне дер. Высоцкой и Поречье Можайского уезда Московской губ. пишут в приговоре в I Госдуму (июль 1906 г.) об аренде покосов и пастбищ: «И то и другое – только заработай с круговой порукой друг за друга. В таком положении и дуешь на его работах без оглядки все лето – то условная работа, то штрафная, а своя и узенькая полосенка работается лишь тогда, когда у князя делать нечего; в конце концов подотчешь заработную выручку за все лето от князя и приходится в итоге – на каждого по 4 коп. за день рабочий» [2, т. 1, с. 120].

Для бедственного положения крестьян имелась *фундаментальная* причина. Развитие капитализма в России шло

по совершенно иному пути, нежели на Западе. Оно и не могло в принципе повторить путь Запада, поскольку происходило при активном участии уже сложившегося зрелого западного капитализма. Это влияние заключалось прежде всего в том, что западный капитал вне своей «метрополии» везде насаждал формы *периферийного* капитализма. Иного и не могло быть, и утверждения нынешних антисоветских идеологов, что без Октябрьской революции в России установился бы такой же капитализм, как в Англии или Швеции, наивны (или недобросовестны).

Видный теоретик нынешней глобализации И. Валлерстайн пишет: «Капитализм только и возможен как надгосударственная система, в которой существует более плотное «ядро» и обращающиеся вокруг него периферии и полупериферии» [6]. По всем признакам Россия сдвигалась как раз в зону периферии, быстро теряя после русско-японской войны возможность остаться на «полупериферии» мировой капиталистической системы.

Но, становясь зоной «периферийного капитализма», Россия попала в историческую ловушку. В ней промышленность была анклавом западного капитализма, а крестьянство – его «внутренней колонией». Единое народное хозяйство, при котором промышленность вбирает рабочую силу из деревни, а взамен обеспечивает село машинами и удобрениями, оказалось разорванным.

При этом сужался внутренний рынок для промышлен-

ной продукции, так что ход индустриализации был очень неустойчивым. Нынешние антисоветские идеологи ничего не пишут, например, о том, что и производство чугуна в России, и его потребление на душу населения в начале XX века сокращалось. А во Франции за 1900–1909 гг. его производство выросло на 40 %, в Германии на 67 %, в США на 87 %.

За 1870–1900 гг. площадь сельскохозяйственных угодий в Европейской России выросла на 20,5 %, площадь пашни на 40,5 %, сельское население на 56,9 %, а количество скота – всего на 9,5 %. Таким образом, на душу населения стало существенно меньше пашни и намного меньше скота. Прокормиться людям было все труднее. В 1877 г. менее 8 десятин на двор имели 28,6 % крестьянских хозяйств, а в 1905 г. – уже 50 %. Количество лошадей на один крестьянский двор сократилось с 1,75 в 1882 г. до 1,5 в 1900–1905 гг. Это – значительное сокращение тяговой силы, что еще больше ухудшало положение. Одна из важных причин того, что потерпела неудачу реформа Столыпина, заключалась в том, что не было ресурсов, чтобы материально поддержать крестьян, выделявшихся на хутора или переселявшихся в Сибирь.

Если оставить в стороне философию, то для реформы Столыпина существовало вот какое «непреодолимое» ограничение. В 1910 г. в России в работе было 8 млн. деревянных сох, более 3 млн. деревянных плугов и 5,5 млн. железных плугов. То есть даже по лошади с сохой на все дворы не хватало – в 1912 г. 31,6 % крестьянских дворов в России бы-

ли безлошадными, а 32,1 % дворов имели по одной лошади. Что же могло в этих условиях дать разрушение общины? Из каких средств могли быть обустроены, скажем, 5 млн. хуторов, не говоря уж о фермах? Потому-то столыпинский уклад втянул в себя всего лишь 5 % дворов, зато разорил множество.

После 1905 г. покупка земли общинами и аренда земли у землевладельцев нарастала. Историк В.В. Кабанов пишет: «Все более определяющей становилась тенденция к перемещению центра тяжести сельскохозяйственного производства на хозяйство крестьянское, прогресс в мелкотоварных хозяйствах становился заметнее. Накануне Первой мировой войны крестьяне производили 92,6 % совокупного продукта (по стоимости) земледелия и животноводства, а помещики – только 7,4 %» [32].

Столыпин верил, что инициатива «освобожденного» мужика-хозяина и невидимая рука рынка гораздо сильнее всяких там капиталов, плугов, лошадей и дорог. За пять лет столыпинской реформы количество лошадей – главной тягловой силы в России – снизилось в расчете на 100 человек с 23 до 18. Как можно было при этом ожидать роста производства зерна? Никак – независимо от формы собственности на землю. И увеличить число лошадей было уже невозможно, потому что земли для пастбищ не было, а при использовании зерна на корм добавочные лошади съели бы как раз весь прирост производства зерна. В 1928 г., накануне коллекти-

визации, в европейской части СССР под пастбищами находилось 1,6 % всех сельскохозяйственных угодий (для сравнения: в Великобритании 56 %, в Голландии 38,4 %), почти такой же (1,5 %) была доля земли под посевами трав и кормовых культур (в Великобритании 32,7 %).

За 60 дореволюционных лет самым урожайным в России был 1909 г. В этот год в 35 губерниях с общим населением 60 млн. человек (что составляло почти половину населения России) было произведено зерна, за вычетом посевного материала, ровно по 15 пудов на человека, что составляло официальный физиологический минимум. То есть никакой товарной продукции село этой части России в среднем не производило. А значит, и ресурсов для развития не возникало².

Низкий уровень технологии поглощал все силы крестьян. В 1909 г. средний урожай зерновых был около 52 пудов с десятины, т. е. 7,8 ц/га. И на весь цикл обработки 1 десятины земли тратилось в среднем 38 человеко-дней (и 29 лошаде-дней), или 4,48 человеко-дня на центнер зерна. Если считать рабочий день крестьянина в страду за 12 часов, то выходит, что на производство одного центнера зерна затрачивалось в 1909 г. 53,8 человеко-часа. А в РСФСР уже в 60-е годы трудозатраты на центнер зерна снизились в колхозах до 2,3 и в совхозах до 1,3 человеко-часа.

---

² Надо вспомнить, что лошадь стоила в то время 80–90 руб., а зерно оптовики скупали по цене 20–50 коп. за пуд. Значит, за лошадь надо было отдать самое меньшее 160 пудов зерна.

Выход из этой исторической ловушки власти России пытались произвести именно *за счет крестьян*, как «революцию сверху», разрушавшую крестьянскую общину и деревню, насаждавшую капитализм на земле. В бытность Витте премьер-министром при нем работало сельскохозяйственное совещание. Витте издал труды этого совещания под своим именем в виде книги «Записка по крестьянскому делу» (СПб., 1905). В ней была высказана мысль о необходимости превращения общины в *частно*-правовое общество, поскольку якобы «крестьян нельзя насильственно удерживать в условиях общинного землепользования». В ответ на это в феврале 1905 г. А.В. Кривошеин, будущий соратник Столыпина по земельной реформе, подал записку «Земельная политика и крестьянский вопрос», в которой выступил за ликвидацию не только общинного, но и подворного землепользования, замену их частным землевладением (признавая, однако, что это — «задача нескольких поколений»).

Мысль о том, что крестьянская община становится источником главной угрозы для общественного и политического строя царской России, в 1905 г. вполне созрела в интеллектуальных кругах монархической верхушки. В мае 1905 г. была составлена записка шести старейших сановников о путях преодоления политического кризиса («записка А.Н. Куломзина»). Она опровергала официальную точку зрения на крестьянство как консервативную монархически настроенную силу. Корень проблемы старые сановники видели в су-

ществовании «в низших слоях населения инстинктивного стремления к ниспровержению частной собственности» и в том, что «общинные порядки» поддерживают это стремление [7, с. 120, 136].

Разрушительная идея программы Столыпина пугала даже либералов – поборников модернизации по западному типу. Е.Н. Трубецкой писал в 1906 г., что Столыпин, «содействуя образованию мелкой частной собственности, вкрапленной в общинные владения... ставит крестьянское хозяйство в совершенно невозможные условия». Он предвидел, что в политическом плане это ведет «к возбуждению одной части крестьянского населения против другой», и предлагал не поддерживать реформу именно из-за того, что она вызовет «раздор и междуусобье в крестьянской среде».

Поощряя приватизацию общинного надела, реформа Столыпина создала раскол на селе. Из общины вышли прежде всего те многоземельные крестьяне, которым при переделе община должна была бы убавить надел согласно их семейному положению. Они «увели» землю из общины, заплатив за излишки по льготной цене, и затем, во многих случаях, продали ее уже по рыночной цене. Другая категория – напротив, малоземельные бедные крестьяне, которые отчаялись прокормиться своим хозяйством и махнули рукой на свой надел. Они тоже часто продавали свою приватизированную землю. Но при этом вовсе не превращались в батраков – не было для их найма достаточно фермеров.

В труде А. Финн-Енотаевского «Обзор экономической жизни России» (СПб., 1911) сказано о результатах реформы: «Все это ведет к обезземеливанию массового крестьянина, что при настоящих условиях имеет своим результатом не столько пролетаризацию, сколько увеличение пауперизма в деревне. Переход земли в единоличную собственность сам по себе еще не делает прогресса в земледелии. Все остальные условия, препятствующие земледельческой культуре, остаются в силе...

Содействуя развитию зажиточного крестьянского хозяйства за счет массового, отнимая у него землю в пользу богатого, толкая массового крестьянина на усиленную ликвидацию своего хозяйства, обезземеливая его в то время, когда наша экономическая жизнь требует увеличения земли у крестьянской бедноты, – этот закон содействует обнищанию широких слоев крестьянства, а вместе с тем и регрессу земледельческой культуры» [8, с. 134–135].

Озлобление крестьян вызвала и переселенческая программа Столыпина, предложение бросить родные места и переселиться в Сибирь вызвало очень резкую реакцию крестьян. Крестьяне Малоярославецкого уезда Калужской губ. направили в Государственную думу такой наказ (20 мая 1906 г.): «Министры отказали нам в земле, прочитали, что частновладельческих земель отчуждать нельзя, а откуда же тогда мы возьмем землю, без которой нам надо умирать голодной смертью. Министры говорят, что в Азии где-то есть

много свободной земли и можно нас туда переселить. А мы понимаем это дело так: спокон веков у нас заведен обычай, что на новое место идет старший брат, а младший остается на корню. Так пускай и теперь поедут в Сибирь или в Азию наши старшие братья, господа помещики-дворяне и богатейшие землевладельцы, а мы, младшие, хотим остаться на корню, здесь в России» [2, т. 1, с. 142].

В селе Пушкино Костромского уезда и губ. 28 мая 1906 г. состоялся сход, на который прибыл «полицейский чин», который уговаривал крестьян переселяться в Сибирь. Крестьяне ему ответили, а потом написали в своем приговоре в Государственную думу: «Если вы уже очень хвалите Сибирь, так и переселяйтесь туда сами. Вас меньше, чем нас, а следовательно, и ломки будет меньше. А землю оставьте нам» [2, т. 1, с. 142].

Сход села Яковлево Орловского уезда и губ. написал в мае 1906 г. наказ в Государственную думу: «Мы в кабале у помещиков, земли их тесным кольцом окружили наши деревни, они сытеют на наших спинах, а нам есть нечего, требуйте во что бы то ни стало отчуждения земли у частновладельцев-помещиков и раздачи ее безземельным и малоземельным крестьянам. Казенных земель у нас нет, а переселяться на свободные казенные земли в среднеазиатские степи мы не желаем, пусть переселяются туда наши помещики и заводят там образцовые хозяйства, которых мы здесь что-то не видим» [2, т. 1, с. 143].

Еще хуже обстояло дело у тех крестьян, которые сделали попытку обосноваться на новом месте за Уралом. Вот брошюра «Правда о переселенческом деле» (С.-Пб., 1913). Автор ее – статский советник А.И. Комаров, прослуживший 27 лет в Сибири. Он вышел в отставку, потому что не вынес «такого государственного расхищения или, вернее, разгрома сибирских земель и лесов, пред которым бывшее когда-то расхищение башкирских земель – сущие пустяки».

Этот чиновник – противник революции, социал-демократов и эсеров. Именно поэтому он и предупреждает в своей брошюре об «обратных переселенцах», которых в 1911 г. возвращалось в европейскую Россию в количестве 60 % от тех, кто переселялся в Сибирь: «Возвращается элемент такого пошиба, которому в будущей революции, если таковая будет, предстоит сыграть страшную роль... Возвращается не тот, что всю жизнь был батраком, возвращается недавний хозяин, тот, кто никогда и помыслить не мог о том, что он и земля могут существовать раздельно, и этот человек, справедливо объятый кровной обидой за то, что его не сумели устроить, а сумели лишь разорить, – этот человек ужасен для всякого государственного строя»¹.

Но и те, кому удалось прижиться в Сибири, сыграли «страшную роль» в судьбе Белого движения и лично Верховного правителя России Колчака. 18 мая 1919 г., военный министр Колчака генерал А.П. Будберг записал в дневнике: «Восстания и местная анархия расползаются по всей

Сибири... главными районами восстаний являются поселения *стольпинских аграрников*... В шифрованных донесениях с фронта все чаще попадаются зловещие для настоящего и грозные для будущего слова “перебив своих офицеров, такая-то часть передалась красным”» [9, с. 214].

В приговорах и наказах 1905–1907 гг. крестьяне отвергали реформу Столыпина принципиально и непримиримо. Исследователь массива наказов историк Л.Т. Сенчакова подчеркивает, что в приговорах и наказах нет *ни одного*, в котором выражалась бы поддержка этой реформы. Крестьяне признавали многообразие форм землепользования (общинное, индивидуальное, артельное), но категорически требовали ликвидации помещичьего землевладения без выкупа. Общим было отрицание программы приватизации общинной земли с правом ее купли-продажи.

¹ Это место процитировал Ленин в речи «К вопросу об аграрной политике современного правительства», которую должен был зачитать в Думе большевик-депутат (ему дали зачитать около половины текста).

Крестьяне Костромского уезда и губ. писали в марте 1907 г. во II Госдуму об указе, вводящем в действие реформу Столыпина: «Закон 9 ноября 1906 г. должен быть уничтожен окончательно. Права на земельную частную собственность не должно быть» [2, т. 1, с. 141].

А в обобщенном приговоре крестьян всей Костромской губ., отправленном в Госдуму в те же дни, говорилось: «Тре-

бовать отмены закона 9 ноября 1906 г., разрешающего выход из общины и продажу наделной земли, так как закон этот через 10–15 лет может обезземелить большую часть населения и наделная земля очутится в руках купцов и состоятельных крестьян-кулаков, а вследствие этого кулацкая кабала с нас не свалится никогда» [там же].

Именно так, как предполагали костромские крестьяне, и пошел процесс скупки земли в ходе реформы. В своих объяснениях неприятия программы Столыпина крестьяне продемонстрировали удивительные по нынешним временам дальновидность и здравый смысл. Вот как обосновал свое несогласие с Указом волостной сход Рыбацкой волости Петербургского уезда: «По мнению крестьян, этот закон Государственной Думой одобрен не будет, так как он клонится во вред неимущих и малоимущих крестьян. Мы видим, что всякий домохозяин может выделиться из общины и получить в свою собственность землю; мы же чувствуем, что таким образом обездоливается вся молодежь и все потомство теперешнего населения. Ведь земля принадлежит всей общине в ее целом не только теперешнему составу, но и детям и внукам.

Всей землей правила вся община, и за таковую землю вся община платила подати, несла разного рода повинности и распоряжалась землею, убавляя от многоземельных и прибавляя малоземельным, и потому никто не может требовать себе выдела земли в частную собственность и потому наша

волость этого допустить не может. Она не может допустить и мысли, чтобы малосемейные, но многоземельные крестьяне обогащались за счет многосемейных, но малоземельных крестьян... Государственная дума, мы думаем, не отменит общинного владения землей» [2, т. 1, с. 141–142].

Этот довод против приватизации земли, согласно которому земля есть достояние всего народа и ее купля-продажа нарушает права будущих поколений, в разных вариациях звучит во множестве наказов и приговоров³. И в разных выражениях крестьяне требуют национализации земли (чаще всего говорится о необходимости создания Государственного фонда). Приговор волостного схода Муравьевской волости Ярославской губ. в I Госдуму (июнь 1906 г.) гласил: «Мы признаем землю Божьей, которой должен пользоваться тот, кто ее работает; оградите переход земли в одни руки, ибо будет то же, что и теперь, – ловкие люди будут скупать для притеснения трудового крестьянства: по нашему убеждению частной собственности на землю допустить невозможно» [2, т. 1, с. 137].

В июне 1906 г. в I Госдуму был направлен и приговор с. Старой Михайловки Саранского уезда Пензенской губ.: «Мы

---

³ Заметим, что в приговорах 1906–1907 гг. речь идет об Указе, всего лишь *разрешавшем* выход из общины и приватизацию наделной земли. А 14 июня 1910 г. вышел жесткий антиобщинный закон, который *обязывал* разверстать на индивидуальные участки земли общин, в которых с 1861 г. не производились переделы земли. Таких земель, по оценкам историков, было по России примерно 40 %. То есть насильно ликвидировалась почти половина общин.

желаем, чтобы зло земельной частной собственности покончить в один раз и навсегда, как это нам показала история, что вознаграждение ведет к величайшему обнищанию страны и к непосильному гнету для нас крестьян. У нас у всех в памяти кутузки, продажа скота, заушение со стороны властей, слезы жен и детей, которые оплакивали трудами откормленную скотину и продавали с торгов кулаку за недоимки; мы знаем, что землей владеют только тысячи людей, а безземельных миллионы, а поэтому право и желание должно быть по закону на стороне большинства» [2, т. 1, с. 136].

Таково было тогда всеобщее представление крестьян о правильном и справедливом способе владения и пользования землей. Взяв в 1906 г. курс на разрушение общины, приватизацию наделной земли и введение ее свободной купли-продажи, государство пошло напролом против ясно выраженной воли подавляющего большинства народа. Это стало источником глубокой ненависти крестьян и к правительству, и к тем социальным группам, которые поддерживали реформу. И ненависть эта не могла исчезнуть или утолиться без решения земельного вопроса.

Земский деятель либерал Д.Н. Шипов писал: «...пропасть, отделяющая государственную власть от страны, все растет, и в населении воспитывают чувство злобы и ненависти... Столыпин не видит или, скорее, не хочет видеть ошибочности взятого им пути и уже не может с него сойти» (цит. в [39]).

Советская власть, как известно, полностью приняла крестьянский наказ, так что община стала основным институтом, проводящим землеустройство, — а распределить надо было 150 млн. десятин земли, которую получили крестьяне по Декрету о земле. Автоматически были устранены арендные платежи, величина которых составляла огромную сумму 700 млн. золотых рублей. Это сразу улучшило положение основной массы крестьян-середняков, которые были главными арендаторами. Крестьянам списали задолженность в Крестьянский банк в размере 1,4 млрд. золотых рублей. И эти шаги вовсе не были тактическими, конъюнктурными. Они вытекали из того нового, преодолевающего догмы марксизма представления о крестьянстве и русской революции, которое созрело в среде большевиков после 1907 г.

Напротив, в этом процессе либералы (кадеты) и эсеры взяли на вооружение принцип *непредрешенчества*. Иными словами, они не выдвигали гласно никакой социальной программы на будущее, даже относительно государственного устройства.

Надо сказать, что даже сегодня, когда от деятелей нашей антисоветской интеллигенции приходится слышать, что Россия начала XX века была «процветающей сельскохозяйственной страной», то даже у многих внуков крестьян снова поднимается ненависть к этой несправедливости. Я, например, зная от матери реальность жизни крестьянского двора, не могу примириться с такими деятелями, какого бы цвета

флагом они над собой ни размахивали.

Давайте же прочитаем хотя бы краткую выжимку из статьи известных экономистов-агров Н. Якушкина и Д. Литошенко в самом распространенном в России энциклопедическом словаре 1913 г.: *Новый энциклопедический словарь, под общ. ред. акад. К. К. Арсеньева. т.14. СПб.: Ф.А. Брокгауз и И.А. Ефрон, 1913.*

«Голод в России. ...Вплоть до середины XIX в. наименее обеспеченными хлебом и наиболее страдавшими от голодовок являются губернии белорусские и литовские... Но уже с середины XIX в. центр голодовок как бы перемещается к востоку, захватывая сначала черноземный район, а затем и Поволжье. В 1872 г. разразился первый самарский голод, поразивший именно ту губернию, которая до того времени считалась богатейшей житницей России. И после голода 1891 г., охватывающего громадный район в 29 губерний, Нижнее Поволжье постоянно страдает от голода: в течение XIX в. Самарская губерния голодала 8 раз, Саратовская 9. За последние тридцать лет наиболее крупные голодовки относятся к 1880 г. (Нижнее Поволжье, часть приозерных и новороссийских губерний) и к 1885 г. (Новороссия и часть нечерноземных губерний от Калуги до Пскова); затем вслед за голодом 1891 г. наступил голод 1892 г. в центральных и юго-восточных губерниях, голодовки 1897 и 98 гг. приблизительно в том же районе; в XX в. голод 1901 г. в 17 губерниях центра, юга и востока, голодовка 1905 г. (22 губернии,

в том числе четыре нечерноземных, Псковская, Новгородская, Витебская, Костромская), открывающая собой целый ряд голодовок: 1906, 1907, 1908 и 1911 гг. (по преимуществу восточные, центральные губернии, Новороссия)...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.